

Издание монографии осуществлено
при поддержке
храма Сретения Господня на Гражданском проспекте
(Санкт-Петербург)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

КАФЕДРА БОГОСЛОВИЯ

Александр Викторович Карпук

**Тринитарная доктрина
Гая Мария Викторина:
философско-богословский анализ**

Монография

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2025

УДК 1(091)(3)+27-9"03"-284

ББК 87.3(0)32+87.3(0)43-282

K26

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р25-518-0418

Рецензенты:

Дмитрий Викторович Шмонин — доктор философских наук, профессор кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета, председатель экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по теологии

Курдыбайло Дмитрий Сергеевич — кандидат философских наук, доцент Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Междисциплинарного научного центра антропологических исследований в образовании Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00980

K26 **Карпук А. В.**

Тринитарная доктрина Гая Мария Викторина: философско-богословский анализ : монография / Александр Викторович Карпук ; Санкт-Петербургская духовная академия, кафедра богословия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2025. — 272 с. — (Богословие и философия).

ISBN 978-5-6054639-0-0

Монография А. В. Карпука, выходящая в свет в год празднования 1700-летия Первого Вселенского Собора в Никее, посвящена исследованию жизни и тринитарной доктрины христианского философа и богослова Гая Мария Викторина. В книге представлен подробный анализ его биографии и сочинений, оценок его наследия христианскими авторами поздней античности и раннего Средневековья, философских идей, оказавших влияние на его тринитарное богословие, а также его избранных философско-богословских терминов. Это позволяет не только познакомиться с жизнью и богословием малоизвестного христианского мыслителя Золотого века латинской патристики, но и уяснить его место и значение в истории западно-христианского богословия. В монографии дан широкий обзор литературы и исследований, посвященных философии и богословию Гая Мария Викторина, как современных, так и ставших уже достоянием истории.

Монография рекомендуется преподавателям и студентам богословских учебных заведений, теологических факультетов светских вузов, а также всем интересующимся латинской патристикой и историей философии.

УДК 1(091)(3)+27-9"03"-284

ББК 87.3(0)32+87.3(0)43-282

ISBN 978-5-6054639-0-0

© Карпук А. В., 2025

© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2025

*Моим дорогим родителям
Виктору и Людмиле посвящается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Благодарности</i>	8
<i>Введение</i>	9
Глава 1. Гай Марий Викторин: жизнь, труды и богословие	29
1.1. Личность Гая Мария Викторина	29
1.2. Деятельность Гая Мария Викторина: труды и их классификация	48
1.2.1. Свидетельство прп. Иеронима Стридонского	49
1.2.2. Свидетельство Сервия Мавра Гонората	49
1.2.3. Свидетельства Марциана Капеллы и Павла Орозия	51
1.2.4. Свидетельство Северина Бозция	53
1.2.5. Свидетельство Кассиодора Сенатора	54
1.2.6. Свидетельство свт. Исидора Гиспальского	56
1.2.7. Свидетельство Алкуина	56
1.2.8. Свидетельство Гинкмара, епископа Реймского	58
1.2.9. Классификация богословско-философского наследия	60
1.3. Экспозиция тринитарной теологии Гая Мария Викторина	70
1.4. Образы Гая Мария Викторина в патрологической историографии	87
Глава 2. Анализ тринитарной доктрины Гая Мария Викторина	98
2.1. Проблема структуры тринитарного корпуса	98
2.2. Особенности концепции Первой Субсистенции у Гая Мария Викторина	118
2.2.1. Преемство апофатической генологии неоплатонизма: Первое Единое	119
2.2.2. Преемство апофатической онтологии неоплатонизма: Второе Единое	139
2.3. Особенности концепции Второй Субсистенции у Гая Мария Викторина	159
2.4. Особенности концепции Третьей Субсистенции у Гая Мария Викторина	167
Глава 3. Спецификум тринитарного тезауруса Гая Мария Викторина	183
3.1. «Subsistentia»	185
3.2. «Consubstantialis»	198
<i>Заключение</i>	205
<i>Приложения</i>	219
<i>Источники и литература</i>	247
<i>Новая книга о Марии Викторине</i>	266

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор настоящей монографии выражает искреннюю благодарность своим наставникам, коллегам и друзьям, без помощи и поддержки которых ее написание и публикация были бы невозможны:

Р. В. Светлову — доктору философских наук, профессору кафедры богословия СПбДА, профессору Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Священнику Димитрию Лушникову — кандидату богословия, кандидату теологии, доценту, заведующему кафедрой богословия СПбДА;

Священнику Максиму Никулину — кандидату богословия, магистру гуманитарных и социальных наук, доценту кафедры богословия СПбДА, доценту кафедры теологии РХГА им. Ф. М. Достоевского;

Священнику Василию Самиру (د. القسم باسيلي سمير) — преподавателю литургики Богословского колледжа в монастыре Св. Девы Марии Эль-Мухаррак Коптской Православной Церкви (Египет);

А. Джонгу — научному сотруднику Кильского университета им. Кристиана Альбрехта (Федеративная Республика Германия), РУДН (Москва, Российская Федерация);

Коллегам из Парижского университета Сорбонна (Франция);

Д. В. Волужкову — директору Издательства СПбДА.

ВВЕДЕНИЕ

В основу настоящей книги, которую держит в руках читатель, была положена магистерская диссертация по богословию, написанная автором в 2024 г. В связи с этим изначально текст книги, который можно заподозрить в излишней сложности и спекулятивности, не был рассчитан на массового читателя, подразумевая исключительно тех, кто занят научными исследованиями в области богословия, философии или филологии. Тем не менее, любому начинающему исследователю, вступающему на поприще науки, следует смириться с тем, что рано или поздно его индивидуальные идеи станут неиндивидуальными, т.е. полноценным элементом человеческой культуры, а значит, объектом научных ссылок или же конструктивной критики. Искреннее желание послужить развитию как русской богословской науки, так и общеевропейской гуманитарной науки в целом, послужило главным стимулом к публикации сей скромной монографии.

С научной же точки зрения настоящий труд, в своем теоретическом аспекте, обусловлен значимостью усвоения западной богословской парадигмы, касающейся доктрины о Троице и являющейся в то же время демаркационной линией между восточным и западным тринитарными дискурсами. Развитие критического взгляда в отношении той или иной спекулятивной системы, даже богословской, свидетельствует об адекватности и одновременно трезвости рационального усвоения. В то же самое время под критикой следует понимать не негативное отношение, а возможность расширения акта восприятия. Практический аспект научной монографии заключается в необходимости защиты главной тайны христианской веры, ее, можно сказать, *raison d'être* — догмата о единстве и троичности

Бога, — не только от возможности быть отвергнутым, маркированным или дискредитированным за отсутствием логики¹, но даже от неверных толкований, возникающих по причине некомпетентности авторов, невозможности или нежелания последних охватить весь спектр условий формирования догматической формулы — историю, философский и теологический опыты². Это ни в коем случае не означает полноценной рациональной исчерпанности главной тайны христианской веры — веры в Троицу, Бога, но скорее является попыткой обосновать возможность сохранения интеллектуальной честности каждым верующим человеком перед бесконечной Тайной христианства.

Фигура и тринитарное наследие Гая Мариа Викторина (281/291–382/386) в этом отношении являются ключевыми не только для истории западной богословской мысли, но и для истории европейской философии как синтеза рационального начала и Откровения в целом³. Многочисленные попытки, направленные на редукцию христианского потенциала ради организации нового либерального общества высокой культуры, сегодня, как и всегда, направлены на разрушение прочного единства между христианством и человеком, к которому оно обращено. На основе этой

¹ Именно таким отношением характеризовались исторические и современные, пусть и маргинальные, формы антитринитаризма в Европе и США. Впрочем, это относится ко всем оппонентам и противникам христианского вероучения, как секулярным, так и религиозным.

² С нашей точки зрения, таким примером может служить книга (в частности, главы, посвященные тринитарному догмату) современного американского теолога и философа Дж. Файнберга: *Файнберг Дж. Нет Ему подобного*. СПб., 2021. С. 553–584.

³ Викторин упоминается блж. Августином среди христианских латинских апологетов, отцов и писателей, обращавших опыт античности на пользу христианской вере: *Augustinus Hippoensis. De doctrina Christiana libri quatuor*. II, 40, 61 // PL. T. 34. Col. 63.

аберрации вновь возник вопрос о согласии интеллектуального опыта и опыта Откровения. Несмотря на то, что *христианская* история Европы свидетельствует о позитивном решении этого вопроса⁴, у истоков которого находились теологические системы Тертуллиана (160–220), Арнобия Старшего (240–330) и Лактанция (250–325), значение вклада Гая Мария Викторина трудно переоценить. Тринитарная парадигма, созданная Викторинем на основе христианско-неоплатонического синтеза с целью защиты никейского богословия, до сих пор остается оригинальным примером не только рациональной рефлексии, свободной от ойконизма абстракции, над главной тайной христианской веры, но и возможной симфонии философии и Откровения. Этот *двуединый тезис* лежит в основе любого известного на сегодняшний день подхода к исследованию наследия Гая Мария.

Степень научной разработанности проблемы

Прежде чем начинать разговор о Гае Марии Викторине и его системе на этих страницах, следует обратить внимание на то, что в науке обычно называется степенью научной разработанности проблематики исследования. Мы имеем в виду необходимость представить краткий обзор ключевых пунктов историографии, посвященной Гаю Марию Викторину⁵. Стоит отметить, что исторически и до настоящего времени подавляющее большинство исследований, как фундаментальных, ставших уже классическими, так

⁴ Bradshaw D. Aristotle East and West: Metaphysics and the division of Christendom. New York, 2004. P. ix. Эта же проблематика вновь обретет актуальность для западной диалектической теологии XX в.

⁵ Конечно, имя Викторина встречается и на страницах патрологических антологий и компендиумов, которые в данном случае не учитываются, т.к. о них будет сказано ниже.

и современных, посвященных Викторину, и статей написаны на иностранных языках. Отправной точкой в научном исследовании личности, тринитарной теологии и философии Гая Мария Викторина за рубежом можно считать конец XIX в., когда К. Гор пишет небольшой артикул «Викторин» для «Словаря христианской биографии» под редакцией Г. Уэйса. По мнению автора, богословие Викторина, «постническое по времени, но доникейское по характеру и неоплатоническое по стилю»⁶, догматически-позитивно в силу того, что является ответом на арианствование Кандида, а также продуктивным примером христианизации неоплатонизма: «Основной пункт, на который мы обращаем внимание, есть то, что он был первым, кто обратил результаты этой системы на нужды христианского богословия»⁷. И хотя идеи о наличии реальности (или реальностей), опосредующей явление верховного божества в нижних уровнях космоса (материи), характерны практически для всех философских школ поздней античности⁸, гений Викторина как христианина заключался в том, что он был способен вдохнуть в неоплатонические формулы новую жизнь⁹.

⁶ Gore C. Victorinus // A Dictionary of Christian Biography and Literature to the End of the Sixth Century A. D., with an Account of the Principal Sects and Heresies. Grand Rapids (MI), 2000. P. 1613; Bruce F. F. Marius Victorinus and His Works // The Evangelical Quarterly. 1946. Vol. 18. P. 132–153.

⁷ Gore C. Victorinus // A Dictionary of Christian Biography and Literature to the End of the Sixth Century A. D. P. 1617.

⁸ Ср. среднеплатонические и неоплатонические концепции Антиоха из Аскалона (130 г. до Р. X. — 68 г. Р. X.), Эвдора Александрийского (I в.), Плутарха Херонейского (45–125 гг.), Теона из Смирны (II в.), Гая (II в.), Апулея Мадавского (125–170), Максима Тирского (II в.), Атика (II в.), Нумения Апамейского (II в.), Плотина (204–270); Zeller E. Outlines of the history of Greek Philosophy. London; New York, 1955. P. 284–313.

⁹ Gore C. Victorinus // A Dictionary of Christian Biography and Literature to the End of the Sixth Century A. D. P. 1617.

В целом оценка богословского наследия Викторина, так незаслуженно забытого богослова-оригинала, в восьмистраничной статье положительная (во многом как оппонента арианства, хранителя и транслятора неоплатонических идей), несмотря на то что, как отмечает автор, порой Викторин позволяет себе буквально «засыпаться» неоплатоническими пассажами, которые не совсем адекватны христианскому Откровению.

В 1932 г. выходит монография Э. Бенца «Марий Викторин и развитие западноевропейской метафизики воли». Опубликованная на немецком языке, книга посвящена в основном рассмотрению позиции богословия Викторина в рамках традиции христианского неоплатонизма до Августина, а также ее влиянию на европейскую философию воли, ярчайшим представителем которой является А. Шопенгауэр. Все же Э. Бенц рассматривает систему Викторина в контексте формирования христианской Willenmetaphysik (уделяя решающее внимание термину «voluntas»), а не тринитарного богословия на Западе, пионером которой, по мнению автора, он становится.

Содержание монографии Э. Бенца обусловило и вдохновило направление исследований В. Тайлера, выпустившего ряд монографий в 1932–1946 гг., где он, в частности, критикует идею Э. Бенца о тотальном волюнтаризме Отца в Троице, а также выдвигает гипотезу о зависимости системы Мария Викторина не от Плотина, а от Порфирия — философа-неоплатоника IV в.¹⁰ Главный тезис

¹⁰ Эту же точку зрения будет разделять и П. Адо. А. Милано — один из современных патрологов, придерживающийся этого положения. Российский исследователь богословия Гая Мария Викторина А. Р. Фокин, ввиду зависимости от наработок П. Адо, транслирует его и в русскоязычную современную патристику. В настоящей работе, насколько это возможно, будет показана его несостоятельность, поскольку

В. Тайлера заключался в том, что не все элементы линии «Плотин — Викторин — блж. Августин» когерентны друг другу. Автор полагает, что тринитарный волюнтаризм Викторина радикально отличается от тринитарного волюнтаризма блж. Августина: если у первого агент воли Отца есть Дух, то у второго — Сын¹¹.

Интерес к исследованию Викторина во Франции был результатом, надо полагать, «renaissance néoplatonicienne» в конце XIX — начале XX вв. К Викторину приходили, как правило, через Плотина. П. Анри посвятил истории развития латинского неоплатонизма одну монографию — «Плотин и Запад» (1934)¹², в которой Марию Викторину посвящено около двух десятков «весьма назидательных»¹³, по мнению К. Морескини, страниц. Именно П. Анри выдвинул гипотезу, согласно которой «libri Platonici»¹⁴, о которых упоминает блж. Августин в своих «Confessiones», являются «Энеадами». П. Анри не разделяет соответствующего мнения К. Гора, утверждая, что его сочинения являются по духу христианскими, пусть и с неоплатоническим субстратом. Таким образом, работа с наследием Викторина предполагает основательное знакомство с идеями Плотина и некоторыми постплотиновскими концепциями неоплатонизма.

«генетически» оно обусловлено неверной атрибуцией Порфирию анонимного «Комментария на Парменид». Таким образом, когда в контексте теологии Викторина упоминается Порфирий, как правило, подразумевается «Комментарий на Парменид» анонимного автора.

¹¹ Следует обратить внимание на сомнительность подобного утверждения. Сын, согласно Гаю Марии Викторину, тоже есть агент воли Отца, желающего явить Себя в Собственном совершенном Образе и Форме.

¹² Henry P. Plotin et l'Occident. Louvain, 1934.

¹³ Морескини К. История патристической философии. М., 2011. С. 457.

¹⁴ Augustinus Hippoensis. Confessionum libri tredecim. VIII, 2, 3 // PL. T. 32. Col. 749–750.

П. Анри, сравнивая тексты «Эннеад» с соответствующими местами *operis magni* Гая Мария «*Adversus Arium*», отмечает восемь мест буквальная корреляции.

Наиболее известным европейским исследователем философского и богословского наследия Гая Мария Викторина является французский филолог и комментатор античных текстов П. Адо. Его вклад в развитие исследований философско-богословского наследия Мария Викторина трудно переоценить. В 1954 г. он публикует в сборнике «Архивы догматической и литературной истории Средних веков» четырнадцатистраничную статью «Марий Викторин и Алкуин», в которой знакомит публику с открытием Викторина прежде всего как ритора, переводчика философских текстов и богослова в эпоху Каролингского ренессанса VIII в. В 1968 г. выходит двухтомная монография П. Адо на французском языке «Порфирий и Викторин»¹⁵. В ней ученый развивает положение о зависимости систем Порфирия и Викторина, обусловленное, как уже было указано, атрибуцией анонимного «Комментария на Парменид» тирийцу, — точка зрения, на сегодняшний момент оспариваемая многими исследователями неоплатонизма и гностицизма. В 1971 г. П. Адо пишет очередную книгу — «Марий Викторин: исследования его жизни и творчества»¹⁶. Монография охватывает биографию Гая Мария Викторина, а также структурированное в соответствии с хронологическим критерием изложение и анализ его сочинений с особым акцентом на утерянных трактатах. Отдельный раздел посвящен христианским сочинениям Мария Викторина: диатрибическим, экзегетическим, поэтическим и богословским. В целом, монография носит

¹⁵ *Hadot P. Porphyre et Victorinus: en 2 vol. Paris, 1968.*

¹⁶ *Idem. Marius Victorinus. Recherches sur sa vie et ses œuvres. Paris, 1971.*

дескриптивно-информативный и ознакомительный характер, лишь с небольшой долей критики. Серьезным недостатком труда является отсутствие глав, посвященных гностической тени в сочинениях Викторина¹⁷. В том же году П. Анри совместно с П. Адо выпускают в рамках CSEL пересмотренное, с критическими замечаниями и исправлениями двухтомное издание сочинений Викторина на латинском языке «*Marii Victorini opera in 2 partes*»¹⁸. Первая часть содержит т.н. «*Opera thologica*», вторая — «*Opera exegetica*». В отличие от «*Patrologia Latina*» Ж.-П. Миня, данное издание уже не содержит трактатов Гая Мария, причисляемых наукой к группе *dubia*, т.е. сомнительных, к которым относятся: «*Ad Justinum Manichaeum*» и «*De verbis Scripturae: factum est vespere et mane dies unus. Coeperitne a vespera dies, an a matutino*».

На сегодняшний день в изучении тринитарной доктрины Викторина на Западе намечаются тенденции актуализировать уже известные сведения и шагнуть дальше наработок П. Адо, освободившись в то же самое время от некоторых уже нерелевантных точек зрения. Прекрасным примером этого стал сборник статей под редакцией С. Купера и В. Немеца «Философия, теология и риторика Мария Викторина» (2022)¹⁹, где авторы пытаются актуализировать или развить иную оптику (не всегда успешную) на уже решенные

¹⁷ Гностическим пассажам в сочинениях Викторина П. Адо посвятил отдельные страницы, например, в статье «Порфирий и Викторин: вопросы и гипотезы» в 1996 г. в журнале «*Res Orientales*». Тем не менее, современный исследователь творчества Викторина Т. Разимус отмечает, что П. Адо не имел полноценного доступа к сифианским текстам, т.к. писал до их публикации в конце 1960-х — начале 1980-х гг.

¹⁸ *Marius Victorinus. Opera: in 2 p.* // CSEL / Eds. P. Henry, P. Hadot. Vindobonae, 1971.

¹⁹ *The Philosophy, Theology and Rhetoric of Marius Victorinus* / Eds. S. A. Cooper, V. Némec. Atlanta, 2022.

и «отлитые в бронзу» проблемы, связанные с Викторином. Не менее важной является работа немецкого ученого Ф. Дзахера «Марий Викторин как христианский философ. Сочинения по тринитарной теологии Гая Мария Викторина и их философско-, церковно-, богословско-исторический контекст» (2023)²⁰, уделяющего, помимо всего прочего, особое внимание тринитарному тезаурусу Гая Мария Викторина. Вместе с тем наибольший интерес для современных западных исследователей Викторина представляет проблема его зависимости и отношения его триадологии с гностицизмом, а именно с текстами сифиан из библиотеки Наг-Хаммади. Не следует и говорить, что попытки ее решить заставляют исследователей пересматривать традиционные точки зрения на взаимоотношения Плотина и гностицизма (А.-Ш. Пюэш, Х. Йонас, А. Мазур) и, как следствие, Платона, Плотина и Викторина; гностицизма и Викторина (Дж. Тернер, К. Томмази, С. Купер). Особого внимания достойны следующие исследования: «Гностицизм и поздний платонизм: темы, фигуры, тексты» под редакцией Дж. Тернера и Р. Майерчик (2000)²¹, «Сифианский гностицизм и платоническая традиция» Дж. Тернера (2001)²², компендиум «Гностицизм, платонизм и позднеантичный мир» под редакцией К. Корригэна и С. Купера (2013)²³, «Платонизирующие сифианские истоки

²⁰ *Zacher F. Marius Victorinus als christlicher Philosoph. Die trinitätstheologischen Schriften des Gaius Marius Victorinus und ihre philosophie-, kirchen-, und theologiegeschichtlichen Kontexte // Patristische Texte und Studien / Hrsg. H. Ch. Brennecke, Ek. Mühlenberg. Berlin; Boston, 2023.*

²¹ *Gnosticism and Later Platonism: Themes, Figures and Texts / Eds. J. D. Turner, R. Majercik. Atlanta, 2000.*

²² *Turner J. D. Sethian Gnosticism and the Platonic tradition. Québec; Louvain; Paris, 2001.*

²³ *Gnosticism, Platonism and the Late Ancient World / Eds. K. Corrigan, T. Rasimus. Leiden; Boston, 2013.*

плотиновского мистицизма» А. Мазура (2021)²⁴. Следует упомянуть и русский перевод труда итальянского священника, патролога, историка и философа А. Милано «Ипостась, Лицо, Личность: генеалогия понятия в Древней Церкви» (2021). В нем итальянский ученый оценивает вклад тринитарной доктрины Гая Мария Викторина (стоявшего у истоков универсума схоластики и классического немецкого идеализма) в формирование понятия «persona» в латинском богословии²⁵.

Отдельно необходимо отметить некоторые переводы тринитарных сочинений Мария Викторина на европейские языки. П. Адо принадлежит критический перевод сочинения «Adversus Arium» на французский язык — «Traité Théologique sur la Trinité»²⁶, выпущенный в серии «Христианские источники» в 1960 г. Переводами трудов Викторина на английский язык занималась М. Кларк. В 2001 г. Католический университет Америки выпустил переиздание ее переводов «Marius Victorinus: Theological treatises on the Trinity» в серии «The Fathers of the Church» таких текстов Викторина, как «Letter of Candidus to Victorinus: On the Divine Begetting», «Letter of Victorinus to Candidus», «Letter of Candidus to Victorinus», «Reply of Victorinus in four books», «On the Necessity of the Accepting “Homoousion”»²⁷.

²⁴ Mazur A. The Platonizing Sethian background of Plotinus's mysticism. Leiden; Boston, 2021.

²⁵ Милано А. Ипостась, Лицо, Личность: генеалогия понятия в Древней Церкви. СПб., 2021. С. 258–280.

²⁶ «Теологические трактаты о Троице», см.: Hadot P. Traité Théologique sur la Trinité: en 2 vol. Paris, 1960.

²⁷ «Письмо Кандида к Викторину: о божественном рождении», «Письмо Викторина к Кандиду», «Письмо Кандида к Викторину», «Ответ Викторина в четырех книгах», «О необходимости принять “Омоусион”»: Clark M. Marius Victorinus: Theological treatises on the Trinity // Fathers of the Church / Transl. M. Clark. Washington, 2001.

Непревзойденным и, к сожалению, единственным крупным исследователем и переводчиком трудов Гая Мария Викторина в России является А. Р. Фокин. В 2007 г. выходит его первая книга под названием «Христианский платонизм Мария Викторина», в основу которой легла кандидатская диссертация автора. В ней исследователь формирует целостный образ личности Мария Викторина и его эпохи, анализирует источники его философии, а также саму философско-богословскую систему (уделяя триадологии чуть более 30-ти страниц), ее влияние на развитие латинской патристики, а также высказывает предположения о косвенном (типологическом) влиянии идей Викторина на развитие классической немецкой философии. Несмотря на то, что до сих пор это единственная в России книга, посвященная Гаю Марию Викторину, труд не свободен от недостатков. Факт того, что исследование является парафразом соответствующих французских исследований П. Адо, определил собою весь тот спектр проблем, которые остались за пределами научной оптики второй половины XX в. Как и у П. Адо, в труде А. Р. Фокина отсутствуют комментарии и разбор параллелей с гностическими сочинениями; подобно П. Адо, автор указывает на зависимость Викторина от Порфирия, базируясь на ошибочной точке зрения о принадлежности ему анонимного «Комментария на Парменид»; довольно мало внимания уделено роли аристотелизма в тринитарной доктрине Викторина; отсутствуют попытки указать *locus* тринитарной теологии Викторина в западном никействе, а также отголоски его идей в схоластическую эпоху. Тем не менее, с нашей точки зрения, все это простительно и даже не достойно быть названным «недостатками»: целью первого посвященного Гаю Марию Викторину труда А. Р. Фокина было познакомить русского читателя с загадочной фигурой философа

и богослова золотого века христианской мысли. Отчасти все эти лакуны были восполнены исследователем в фундаментальном труде «Формирование тринитарной доктрины в латинской патристике» (2017), однако данное исследование не носит специального характера, т.к. книга не фокусируется исключительно на Марии Викторине, — изложение его тринитарной доктрины повторяет текст труда 2007 г. Предвосхищая научную новизну, которой может располагать настоящая книга, необходимо отметить, что мы, насколько это было возможно и в рамках компетенции, попытались восполнить упомянутые недочеты на этих страницах.

Помимо монографий, А. Р. Фокину принадлежит множество статей о богословии Мария Викторина и переводов его трудов на русский язык, в частности, таких текстов, как: «Послание 1-е Кандида к Марию Викторину ритору о божественном Рождении», «О рождении Божественного Слова», «Против Ария в четырех книгах», «О том, что необходимо принять термин “единосущный”» и «Гимны о Троице». В период с 2011 по 2020 гг. выходят следующие статьи А. Р. Фокина: «Элементы апофатической теологии в трудах Мария Викторина» (2011), «Зрительный акт как аналогия происхождения Ума (Плотин — Марий Викторин — Августин)» (2015), «Модусы сущего и не-сущего у Мария Викторина» (2016), «Аристотелевские категории в латинской тринитарной теологии (Марий Викторин, Августин, Боэций)» (2016), «Учение Мария Викторина о душе и ее месте в иерархии сущего» (2017), «“Intellegentia simplicitatis”: доктрина Божественной простоты у Мария Викторина, ее философские источники и богословское значение» (2018), «Критика и апология учения о «подобосущии» в латинской патристике IV в.: Марий Викторин versus Иларий Пиктавийский» (2019), «Метафизика Божественного мышления у Мария Викторина и ее философские источники» (2020).

Значение трудов А. Р. Фокина для развития латинской патристики и, в частности, популяризации личностей Викторина и блж. Августина в России чрезвычайно велико. Однако, к сожалению, на сегодняшний день он является единственным ученым, который занимается латинским патристическим наследием Мария Викторина. Этот печальный факт, в свою очередь, придает дополнительную актуальность настоящей монографии. Необходимо не только создать почву для богословского усвоения христианско-неоплатонического наследия в лице Гая Мария Викторина, но и существенно расширить богословскую оптику на его труды. Это, в свою очередь, увеличит рефлексивный потенциал богословской системы Викторина, а также горизонт экспликации смыслов не только из философско-богословских, но и поэтических, экзегетических трактатов Гая Мария.

Подробный анализ историографии показывает, во-первых, что наиболее обширный спектр трудов, посвященных тринитарному учению Гая Мария Викторина, принадлежит к иностранной литературе и остается труднодоступным для русскоязычного читателя. Во-вторых, теолого-философская система Викторина часто рассматривается в контексте общей истории неоплатонизма и редко как самостоятельный феномен. В-третьих, русские труды, посвященные Марию Викторину, значительно отстают от западных, оставляя многие актуальные проблемы в изучении триадологии Гая Мария нерешенными и, в сущности, находятся на уровне исследований П. Адо, что делает многие положения нерелевантными и неинтересными, в силу «уже известности», несмотря на то что перспективы его изучения, как было показано, существуют. Следовательно, есть нужда в полноценном новом критическом и специальном взгляде, или хотя бы попытке такого

взгляда, на триадологическое наследие Гая Мария Викторина, результаты которого могут пополнить — или стать вкладом — скромную русскую историографию, посвященную личности и тринитарному учению этого богослова и философа.

Специальный и самостоятельный характер рассмотрения и анализа тринитарного учения Гая Мария основывается на предположении о необходимости дифференциации областей его творчества для определения его историко-богословского статуса и вклада в патристику. Иными словами, в рамках тринитарной доктрины предполагается возможность определить Викторина исключительно как богослова, если его философский дискурс направляется чистыми теологическими интуициями.

В свете всего вышесказанного научной целью нашей книги является систематическое раскрытие содержания и специфики тринитарного учения Гая Мария Викторина, его философских и теологических (в широком смысле) установок. Это, в свою очередь, позволяет сформулировать следующие задачи, решение которых будет предложено впоследствии в рамках монографии, причем зависимость от их решения будет определять наше повествование:

1. Систематически изложить объективно-исторические условия формирования тринитарной доктрины Гая Мария Викторина: его биографию, корпус сочинений, учение и значение для патрологии;

2. Представить полноценный и комплексный теолого-философский анализ тринитарной доктрины Гая Мария Викторина;

3. Проанализировать тринитарный тезаурус Гая Мария Викторина, указав его теолого-философский и лингвистический спецификамы.

Эмпирической базой монографии, т.е. совокупностью источников, с которыми нам пришлось работать в процессе создания данного труда, служат трактаты Гая Мария Викторина, находящиеся в 8-м томе «*Patrologia Latina*» Ж.-П. Миня (Parisii, 1844; с сохранением пунктуации источника), а также многочисленные сочинения античных и позднеантичных философов и писателей, христианских апологетов, богословов, отцов и учителей Церкви. Подавляющее большинство святоотеческих текстов цитируются по изданиям «*Patrologia Latina*», «*Patrologia Graeca*» Ж.-П. Миня.

Научная новизна, которой, как нам представляется, располагает настоящая монография, прежде всего определяется свободой от классических наработок по Викторину П. Адо и А. Р. Фокина и опорой на современные зарубежные исследования. Настоящее исследование отличается от предыдущих комплексно-критическим изучением тринитарной доктрины Гая Мария Викторина как одной из наиболее ярких форм христианского платонизма: удивительного синтеза, возникшего в результате аппликации христианством соответствующих философских идей. Большое внимание уделяется рассмотрению, анализу и оценке объективно-исторической, культурной и интеллектуальной среды (и ее влияния), в которой формировалась личность Гая Мария Викторина как богослова и философа. Наиболее полно, в сравнении с имеющимися русскоязычными исследованиями, раскрывается теолого-философский спецификум в учении Викторина о Трех Субсистенциях в Троице. Помимо этого, в работе одно из центральных мест принадлежит разбору неоплатонического бэкграунда и т.н. гностической тени в тринитарном учении Викторина: довольно серьезному анализу и комментированию подвергается множество параллелей с сифианскими текстами

и, соответственно, предлагаются иные взгляды на зависимость Викторина от неоплатонизма Плотина и пост-плотиновских авторов. Экспонируется момент корреляции в учении Викторина и Аристотеля. Также, на страницах книги предпринята попытка указания *locus'a* тринитарных идей (и формы их влияния) Викторина в истории западного богословия путем краткого анализа экспликаций из сочинений западных никейцев (на примере свт. Илария Пиктавийского) и автора эпохи *Hochscholastik* (св. Фомы Аквинского). Комплексному лингвистическому и историко-философскому анализу подлежит тринитарный тезаурус Гая Марии на примере двух терминов — «*subsistentia*» и «*substantialitas*». Также следует упомянуть и наличие авторских переводов латинских текстов, так или иначе связанных с именем Викторина, и попытки решения атрибуции одного из них. В соответствии с заветом В. В. Болотова, важной особенностью настоящего исследования стала работа с оригинальными текстами на латинском, греческом, коптском и некоторых современных языках, которые сопровождаются параллельным переводом на русский язык, выполненным автором²⁸.

²⁸ В. В. Болотов в отзыве на «Историческую судьбу сочинений Аполлинария Лаодикийского» (магистерскую диссертацию А. А. Спасского) в 1898 г. в качестве серьезного недостатка отмечал, что «*русский текст во всяком случае берет верх над всеми другими*. Ученый аппарат состоит из обильно поставленных цитат из источников и пособий, без выписки самих текстов» (Болотов В. В. Отзыв о сочинении «Историческую судьбу сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни» // Спасский А. А. Историческая судьба сочинений Аполлинария Лаодикийского с кратким предварительным очерком его жизни. СПб., 2005. С. 467–508). К сожалению, это стало причиной порой беспрецедентного увеличения объема ссылок подстрочного аппарата настоящего исследования, что также может негативно сказываться на восприятии главных идей.

Наконец, последние формальности. Теоретическая значимость этой небольшой монографии заключается во всесторонней акцентуации проблемы взаимоотношения философии и богословия (рационального и Богооткровенного), а также, путем обобщения изучаемого материала, в оценке значения исторических форм христианского неоплатонизма, возникших в результате рецепции христианством богатой античной культуры и философии, что, в свою очередь, позволило сформулировать суждение о статусе Гая Мария Викторина и его системы, а также их *locus* в истории западной христианской патристики. Все это гарантирует качественное и количественное приращение и развитие теоретического знания в области христианской патрологии и богословия, философии и гуманитарной науки в целом.

Практическая значимость результатов исследования, предпринятого на страницах настоящей монографии, заключается в возможности их использования в процессе преподавания философии, систематического богословия и патрологии в высших духовных и светских учебных заведениях. Уяснение ключевых идей тринитарной доктрины Гая Мария Викторина, которому способствует настоящий труд, позволит больше не избегать тринитарной теологии Викторина в курсах преподавания патрологии в высших богословских учебных заведениях, ссылаясь на его излишнюю абстрактность и сложность, т. е. повысит качество разработки и организации учебных программ и учебно-методических комплексов, направленных на воспитание и формирование квалифицированных кадров.

Поставленные цель и задачи определили методологию настоящей работы. Реализация исследования ориентирована на общенаучные принципы. *Объективность* работы заключается в широте оптики (и библиографического

материала), включающей в себя объективно-историческую, теолого-философскую и историко-лингвистическую компоненты и развиваемой в контексте проблематики исследования. Принцип *конкретности* выражается в рассмотрении отдельно взятой теологической (или философской) концепции (идеи или понятия) в органической связи с целым как совокупностью условий ее формирования, существования и последующего преобразования, т.е. принципом *всесторонности*.

Таким образом, основанием процесса реализации научного исследования, положенного в основу публикуемой книги, выступает совокупность следующих *общенаучных* методов: анализа, дедукции, синтеза, индукции, абстрагирования, сравнения и аналогии.

К *специально-научным* методам, продиктованным спецификой научного исследования, относятся: *историко-биографический* (обращенность к биографии исторической личности с целью выявления культурных, интеллектуальных и религиозных особенностей ее формирования), *источниковедческий анализ* (определение условий возникновения, содержания, потенциала и достоверности изучаемых источников), *текстологический* (работа с оригинальными текстами древних авторов), *герменевтический* (интерпретация текстов и идей с целью смысловой экспликации), *идеалистический* (рассмотрение предмета исследования как результата традиции и специфики мышления), *компонентный анализ* (обращенность к морфемному составу лексемы с целью выявления ее минимальных семантических единиц и спектра их изменения), *сравнительная реконструкция* (изучение закономерности и условий семантического смещения компонентов лексемы в разных языковых системах) и *диалектический* (всестороннее рассмотрение предмета исследования с учетом его исторического

развития, интерпретационных наслоений и всевозможных точек зрения). Таким образом, реализация научного исследования совершалась при помощи совокупности специально-научных методов: исторического, философского и лингвистического.

Относительно собственной структуры и объема: публикуемая монография состоит из введения, трех глав, заключения, четырех приложений, списка использованных источников и литературы (263 библиографических позиции). Приложения содержат три авторских перевода с латинского языка ([Эпитафия внучке Гая Мария Викторина, написанная ее мужем]; перевод трактата, ложно предписываемого Викторину, «О словах Писания: “Стал вечер и утро, день один” (Быт 1:13). Начался ли с вечера день, или с раннего утра»²⁹; «Кандида Арианина письмо к Марию Викторину, ритору»), а также пояснительную таблицу к тринитарному тезаурусу Викторина.

Хотя данная монография в силу объективных причин не претендует на исчерпывающий и всесторонний обзор предмета и анализа проблематики, автор осознает, как выше уже отмечалось, возможную трудность, которую может испытать неподготовленный читатель, особенно в таких разделах монографии, которые посвящены наиболее изысканным спекуляциям Гая Мария Викторина. Стремление автора облегчить усвоение и без того сложной и местами спекулятивно перегруженной мысли Викторина выразилось, к примеру, в наличии повторения некоторых идей и концепций в разных главах, а также в обилии подстрочного аппарата. Да, богословствование о Троице трудно, поскольку означает содержание обжигающего Божества рукой, тянущейся и вторгающейся в вечность,

²⁹ Приложение 2, как уже отмечалось, является статьей, цель которой — выяснение атрибуции трактата.

однако возможно, ибо Сын исповедал Отца (Ин 1:18). Поэтому данное исследование есть в то же время поиск идей, мыслей и приличных им слов.

Автор еще раз выражает искреннюю благодарность своим друзьям и коллегам за рубежом, оказавшим неоценимую помощь и поддержку в реализации и публикации этой скромной монографии.

Конец ознакомительного фрагмента